Стин Гален

Переход

Стин Гален

Переход

«Автор»
2026

Гален С.

Переход / С. Гален — «Автор», 2026

Кирилл Орлов защитил диплом, получил отказ на собеседовании и шёл домой, где его ждали ужин и вопросы матери. У своего подъезда он открыл дверь — и вышел на улицу чужого мира.Дверь за спиной рассыпалась в пыль. В городе Арскилоне, где живут люди, эльфы, гномы и орки, чужаку выдают казённый амулет языков и три пути на выбор: служба в страже, учёба за счёт казны или дорога без бумаг и имени. А ещё Кирилл узнаёт, что умеет словом останавливать людей, и что за такое здесь бьют.Эльфийка из стражи, одиннадцать лет собирающаяся вернуться к своим, предлагает ему стать её провожатым до границы эльфийских владений. Плата небольшая, дорога лежит через Тёмный брод, а за границей начинается земля, о которой он не знает ничего.

© Гален С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Переход 5
Конец ознакомительного фрагмента. 8

Стин Гален
Переход

Переход

Диплом лежал в сумке между ноутбуком и бутылкой воды, и всю дорогу от метро я думал, что четыре года можно было потратить иначе.

Стоял конец июня, жара не спала даже к вечеру. Асфальт держал тепло, как печка, из подвалов тянуло сыростью, а от кондиционеров на первом этаже веяло сухим холодом. Я шёл домой и заранее знал всё, что там будет. Мать накроет на стол, достанет парадные вилки и будет смотреть, как я ем, потому что «такой день». День был позавчера. Вручение, фотографии, шапочка с кисточкой, слёзы в коридоре. Позавчера я сказал ей, что теперь всё, дальше работа. Сегодня утром мне позвонили из конторы, куда я ходил на собеседование, и вежливо объяснили, что взяли человека с опытом.

Опыта у меня не было. Были диплом, ноутбук, двадцать тысяч на карте и сумка, которая тянула плечо.

Я придумал по дороге три способа сказать. Первый: «Всё нормально, ищу дальше». Второй: молчать и надеяться, что она не спросит. Третий: сказать как есть и весь вечер смотреть, как она подбирает слова, чтобы меня не расстроить. Я выбрал второй и знал, что получится третий.

У «Пятёрочки» на углу стоял мужик с котом на руках. Кот был рыжий, толстый и смотрел на прохожих с выражением человека, которому все мы что-то должны. Мужик говорил по телефону: «Я тебе русским языком говорю, скинь на хлеб, я отдам в пятницу». Я прошёл мимо, и кот проводил меня взглядом до самой арки.

Двор у нас большой, весь в тополях, и в июне от них столько пуха, что кажется, летит снег. Пух лежал на лобовом стекле брошенной «шестёрки», на шинах, на лавочке у первого подъезда, где всегда сидят три бабки и обсуждают, кто когда выехал и на чём. Сегодня им не давала покоя чья-то машина, поставленная на газон, и одна из них держала палец вверх, показывая, где именно её припарковали.

Наш подъезд второй, за углом, и я свернул к нему, не глядя. Дверь зелёная, у ручки краска облупилась ещё в моём детстве, на жестяной табличке «1—24», домофон не работал с прошлой зимы, код был нацарапан на стене гвоздём, и все, кто жил, знали его на память. Я тоже знал.

Дверь в этот час лоснилась. Краска на ней лежала гладко, и в ней отражалось небо: не наше вечернее, а какое-то сплошное, без облаков, с радужными разводами по краю, как на бензиновой луже. Я посмотрел на это краем глаза, пока доставал телефон, и решил, что это фонарь. Фонарей у нас над подъездом два, один сгорел, второй мигал, и любой мигающий свет выглядит странно. Я даже подумал: надо сказать матери, пусть напишет в управу.

В телефоне висело сообщение от неё: «Ты где? Всё стынет». Я ответил «у подъезда» и взялся за ручку.

Дверь поддалась сразу. Она пошла легко, без скрипа и без веса, как будто за ней ничего не было, и я шагнул вперёд.

В подъезде всегда пахнет одинаково: хлоркой, мокрой штукатуркой и чужими обедами. Я ждал этого запаха, ждал плитки под ногой и гулкого эха от собственных шагов. Вместо этого в лицо мне ударил воздух, сырой и холодный, с дымом и чем-то ещё, тяжёлым, вроде навоза. Под ногой оказалась земля.

Я остановился и поднял голову.

Никакого подъезда не было. Я стоял в узком проходе между двумя стенами, а за спиной у меня осталась дверь. Та самая, зелёная, с облупленной краской у ручки и жестяной табличкой, на которой было написано «1—24». Я обернулся и посмотрел на неё, как на старого знакомого, который вдруг заговорил чужим голосом.

Наверное, я минуту стоял и моргал. Потом в голове сложилось объяснение, и оно мне понравилось: у нас в доме проходной подъезд. Я про него знал, просто никогда им не пользовался. Вход со двора, выход на улицу, и если идти не к лифту, а прямо, то окажешься с другой стороны дома. Я даже вспомнил, как в детстве мы с пацанами бегали через него, чтобы сократить дорогу до гаражей.

Только гаражи были не здесь. И двор был не здесь.

Небо над проходом стояло чистое, и в нём уже проступили звёзды, все сразу, крупные, как в деревне. Я вынул телефон. Половина восьмого, сеть пропала, заряд тридцать четыре. Я поднял его выше, поймал одну палку, потом ноль, потом опять одну. У нас во дворе связь всегда падала у второго подъезда, это было нормально.

Я пошёл вперёд, к свету. Проход кончился, и я вышел на улицу.

Она была не наша. Дорога под ногами утоптанная, серая, с колеями, а не асфальт. Слева тянулся длинный забор из серых досок, за ним виднелись высокие, двускатные крыши, крытые не шифером, а чем-то тёмным, похожим на старую дранку. Справа стоял дом, срубленный из брёвен, с маленькими окнами и резными наличниками, когда-то синими. У дома на скамейке сидела кошка и вылизывала лапу.

Я стоял и искал хоть одну вещь, за которую можно зацепиться. Провода. Фонарь. Рекламный щит. Мусорный контейнер. Что-нибудь, что здесь должно быть, потому что оно есть везде.

Ничего этого не было.

Зато был колодец. Самый настоящий: сруб, ворот и ведро на цепи. Возле колодца стояла женщина в длинной рубахе до пят, подпоясанной верёвкой, и набирала воду. Рядом с ней сидели двое ребятишек в таких же длинных рубахах, босиком, и один из них ковырял палкой в земле. Женщина выпрямилась, посмотрела на меня и сказала что-то.

Я не разобрал ни слова. Не то чтобы это был совсем чужой язык: слова были похожи на наши, только вывернутые и сжатые, как будто их проговорили слишком быстро и половину съели. Тон при этом был понятный. Так говорят человеку, который зашёл не туда.

Я поднял руку и сказал:

— Здравствуйте. Извините. Я тут… — и осёкся, потому что не знал, что говорить дальше.

Женщина ответила ещё что-то и показала ведром в сторону улицы.

Я кивнул, будто понял, и пошёл, куда показали. Телефон в кармане молчал, часы на нём показывали семь сорок семь, и в этом было что-то, за что я пока держался, как за перила.

Улица шла под уклон, и я пошёл по ней, потому что идти куда-то надо, а стоять на месте было страшнее.

Дома по обе стороны были деревянные, крепкие, с высокими крышами, и в каждом светились окна. Свет был жёлтый, неровный, живой. Он дрожал в стёклах и время от времени мигал, как свеча, когда в комнате кто-то ходит. Я остановился и посмотрел на одно окно подольше, чтобы убедиться. Свеча. Или лампа с маслом. Никаких люстр, никаких экранов, никакого синего мерцания телевизора за шторой.

Я шёл и считал, чего здесь нет.

Проводов не было.

Столбов тоже.

Асфальта не было.

Рекламы не было, только вывеска над дверью: доска с выжженными буквами. Буквы были наши, но не наши: я встал и прочитал их по слогам, и получилось что-то вроде «КОЖЕВНИК».

Слово было понятное. Написание было странное, как в старых книгах, которые я видел только на картинках.

За спиной у меня скрипнуло. Я обернулся. Мимо шла телега, запряжённая лошадью, и на ней сидел мужик в тёмном кафтане и что-то говорил лошади спокойным голосом, как говорят с человеком, с которым знакомы двадцать лет. Лошадь шла, не поднимая головы, и от неё пахло так, как пахнет от лошади, а не так, как пахнет от конной полиции в центре города. Мужик на меня посмотрел, отвернулся и хлестнул вожжами.

У меня в горле стало сухо.

Я достал телефон. Сети не было. Я нажал на экран, он загорелся, и на нём было одно приложение, которое работало, — карта. Я открыл её и подождал. Кружок поиска GPS крутился и не находил ничего. На сером фоне был просто белый круг, как будто спутников над этим местом никогда не было.

Я стоял на этой улице с телефоном в руке и с сумкой на плече, в кроссовках, и до меня наконец дошло.

Я не в другом районе. Я не на съёмках. Я не в другой стране, куда меня занесло по пьяни, потому что я не пью. Я не знал, где я, но точно знал, что дома меня нет. Дома, где мать ждёт меня с ужином и сообщением «Ты где? Всё стынет». Дома, где через двадцать минут я должен был сидеть за столом и врать, что всё нормально.

Дома не было.

Я стоял так, наверное, минуту. Потом развернулся и пошёл обратно.

Шёл я быстро, почти бежал, и прохожие шарахались. Их было немного, и все они были одеты одинаково скучно: длинные рубахи, штаны, широкие пояса, у кого-то сапоги. Кто-то сказал мне что-то вслед, я не обернулся. Мне нужна была дверь.

Я нашёл проход между домами, нашёл ту стену, и дверь была на месте.

Зелёная, с облупленной краской у ручки, с жестяной табличкой «1—24». Я увидел её и почти заплакал, честное слово. Только теперь я заметил, что вокруг неё нет дома: ни кирпича, ни штукатурки, ни намёка на крышу. Стена была, но проёма в ней не было, а дверь стояла, как будто её вставили сюда из другой картинки.

Я схватился за ручку.

— Мам, — сказал я вслух. — Мам, это я.

Ручка повернулась. Я толкнул дверь, и она открылась, только за ней была не лестница и не хлорка с чужими обедами. За ней была темнота, густая, как в погребе, и в этой темноте не было ни ступенек, ни перил, ни почтовых ящиков.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.